

Му Цзэ, казалось бы, толкнул Гу Синдуаня в лапы полиции, но на деле не причинил ему ни малейшего вреда. Кем был Гу Синдуань? Если бы его можно было устранить с помощью сиюминутной шумихи или обычных полицейских, он не стал бы главным злодеем. Присмотревшись, можно было заметить, что больше всего пострадал Хан Цин. После такого скандала, даже будучи жертвой, он столкнется с бесконечными сплетнями, а из-за подпорченной репутации его могут вышвырнуть из национальной сборной. Как тогда отреагирует отец Хан Цина, человек крайне консервативных взглядов?

Потерять карьеру и доброе имя, да еще и выслушивать упреки отца.

С гордым и скрытным характером прежнего владельца тела, он, скорее всего, возненавидел бы Му Цзэ до глубины души.

Му Цзэ — главный герой, он не дурак. Неужели он не мог этого предвидеть? Возможно, в порыве гнева и не подумал, но после, успокоившись, он точно все осознал, однако предпочел бездействовать.

Взгляд Хан Цина, устремленный на Му Цзэ, стал брезгливым.

— Му Цзэ, ты что, решил подражать Гу Синдуаню и заточить меня здесь? — голос Хан Цина стал холодным.

Му Цзэ вздрогнул и уже открыл рот, чтобы ответить.

Но Су Жуй, растерянно опередив его, пробормотала:

— Что тут происходит? Старший, я... я провожу тебя обратно... Почему тренер Му не отпускает тебя?

Мягкость, только что промелькнувшая на лице Му Цзэ, тут же исчезла. Он отрезал:

— Ты права, я не отпущу Хан Цина. А ты уходи.

Хан Цин: ...

Су Жуй подняла с пола телефон:

— Я не знаю, что у тебя на уме, но если ты действительно собираешься так поступить, я вызову полицию!

Хан Цин выхватил телефон из рук Су Жуй и с бесстрастным лицом набрал номер:

— Алло, здравствуйте. Я Хан Цин. Меня похитили...

Му Цзэ и Су Жуй одновременно застыли — никто не ожидал, что Хан Цин так решительно вызовет полицию. Му Цзэ опомнился первым и еще крепче схватил Хан Цина:

— Я не дам тебе уйти. Я прямо сейчас перевезу тебя в другое место, туда, где тебя никто не найдет.

Хан Цин открыл рот, чтобы ответить, но вдруг его стошнило какой-то жидкостью.

Неужели я так разволновался, что даже слюной подавился?

Присмотревшись, Хан Цин понял, что это кровь.

Если бы это был прежний владелец тела, его наверняка хватил бы удар от такой ярости, но это тело и правда начало харкать кровью. Хан Цин не почувствовал ничего особенного, только привкус железа во рту вызвал легкое отвращение. Он вытер губы рукой. Подняв взгляд, он увидел, что Му Цзэ смотрит на него с оцепенением. Му Цзэ дрожащей рукой потянулся, чтобы стереть кровь с уголка рта Хан Цина...

— Старший! — вскрикнула Су Жуй.

Му Цзэ сглотнул и с трудом произнес:

— Хан Цин... прости, я...

В этот момент полиция выбила дверь, а следом за ними ворвалась толпа журналистов, пронюхавших о происшествии.

Му Цзэ все еще крепко держал Хан Цина, не шевелясь, словно превратившись в статую. Его поза не оставляла сомнений в том, что именно он похитил Хан Цина. Однако, когда полицейские поняли, что перед ними знаменитый в этих краях молодой господин Му, они на мгновение замешкались. Но журналисты тут же окружили их, и полицейским пришлось сжать зубы и арестовать его.

Раздался щелчок наручников на запястьях Му Цзэ.

Хан Цин разжал его пальцы.

Му Цзэ неотрывно смотрел на него с выражением глубокой скорби. Его губы дрожали, но он не мог вымолвить ни слова.

Полицейские повели его к выходу. Журналисты неистово щелкали затворами, словно снимали суперзвезду, боясь упустить хоть один кадр. Му Цзэ не обращал на них внимания — он не сводил глаз с Хан Цина, пока его глаза не налились кровью... пока его окончательно не вывели наружу.

Журналисты не решились сделать слишком много снимков Му Цзэ и бросились к Хан Цину.

Они наперебой засыпали его вопросами:

— Что здесь происходит? Хан Цин, разве не говорили, что вас похитил Гу Синдуань? Как вы здесь оказались? Почему вызвали полицию? Кто вас похитил? Это был молодой господин Му?

Хан Цин слегка опустил веки, вытер следы крови с губ и поправил помятый рукав.

Все вокруг невольно затаили дыхание. Больше никто не пытался перекричать остальных.

Они молча смотрели на этого юношу, чья красота казалась неземной, и вдруг почувствовали, что у них не поворачивается язык продолжать расспросы.

Только тогда Хан Цин медленно произнес:

— То, что вы видите, и есть правда.

Сказав это, Хан Цин снова закашлялся и брызнул кровью, обдав лицо стоявшей напротив журналистки. Девушка замерла, а затем в ужасе закричала. Сердца всех присутствующих сжались. Су Жуй в слезах подбежала к Хан Цину, обняла его и дрожащими руками набрала номер скорой помощи.

Как только приехали врачи, Хан Цин со спокойной душой потерял сознание.

Это запутанное дело о похищении мгновенно вызвало огромный резонанс. Вместе с тем осуждению подверглись и журналисты, которые в тот день думали лишь о сенсации, игнорируя состояние Хан Цина. Та самая журналистка, на которую попала кровь, первой принесла публичные извинения в сети, добавив, что искренне переживает за Хан Цина и за короткую встречу успела стать его фанаткой... Впрочем, ее тут же обвинили в самопиаре.

Как бы ни бушевали споры в интернете, Хан Цин, лежа в больничной палате, чувствовал лишь одно — наконец-то наступила тишина.

Однако вскоре после того, как Му Цзэ доставили в участок, Гу Синдуань вышел на свободу.

С его возможностями мало кто мог его удержать. Войдя в палату и увидев Су Жуй, охранявшую Хан Цина, Гу Синдуань лишь приподнял бровь, но, вопреки ожиданиям, не стал устраивать сцену. Он медленно подошел к кровати.

Су Жуй в испуге вскрикнула:

— Это ты! Ты тот самый человек, который похитил старшего... Как... как ты смеешь сюда приходить?

— Уточню: похитителем был Му Цзэ, а не я, — холодно ответил Гу Синдуань. Затем он слегка наклонился, оперся рукой о край кровати, почти касаясь лица Хан Цина, и спросил: — Ты звонил Тан Цзяну?

— Нет, а что? — равнодушно отозвался Хан Цин.

Гу Синдуань достал телефон, набрал номер и поднес трубку к уху Хан Цина. Вскоре раздался голос Тан Цзяна:

— Сяо Хан, ты в порядке? Я видел новости. Не переживай, отдохни пару дней и возвращайся в команду. Через несколько дней у нас соревнования.

Хан Цин замер. Неужели... на него это никак не повлияло?

Очевидно, это работа злодея.

Но разве злодей не должен придерживаться грубых и жестоких методов?

— Удивлен? — прошептал Гу Синдуань ему на ухо. — Му Цзэ напомнил мне, что нельзя быть таким глупым, как он. Хан Цин, не волнуйся, в этот раз я не стану запираить тебя. Я сам провожу тебя в бассейн, к пьедесталу почета...

Хан Цин был еще больше поражен.

Неужели злодей с его почти патологической тягой к собственничеству готов на такое?

Гу Синдуань, словно прочитав его мысли, тихо добавил:

— Конечно, мне не хочется тебя отпускать. Но... представь: ты стоишь на вершине мира, окруженный славой и обожанием миллионов... а принадлежишь при этом только мне одному. Такое чувство... весьма приятно.

Ох... все-таки он псих, — бесстрастно подумал Хан Цин.

Су Жуй, видимо, была настолько ошарашена, что лишь спустя долгое время обрела дар речи:

— ...Старший, вы... вы и он... какие у вас отношения?

Гу Синдуань перебил ее:

— Отношения преследователя и того, кого преследуют.

Лицо Су Жуй побледнело:

— Но вы же оба мужчины...

За дверью палаты Вэй Гуан, опоздавший на несколько минут, до побеления костяшек сжимал дверную ручку. Он смотрел на Хан Цина, лежащего на кровати, а затем перевел взгляд на Гу Синдуаня. Тот словно что-то почувствовал и обернулся. Вэй Гуан испугался и в панике бросился прочь...

Он шагал все быстрее, и в коридоре случайно столкнулся с медсестрой.

— Эй, вы... — медсестра сердито посмотрела на него, но, встретившись с ним взглядом, испуганно проглотила слова. Почему у этого мужчины такой жуткий взгляд?

Нежные запястья главного героя не смогли противостоять коварным методам злодея. Гу Синдуань благополучно вышел из полиции, а Му Цзэ оказался заперт в следственном изоляторе. Никакие связи семьи Му не помогали. У полиции был один ответ: дело касается публичной фигуры, престижа страны и общественного мнения... Ситуация слишком серьезная, чтобы принимать поспешные решения.

Тем временем Хан Цин, получив рекомендацию от того самого травмированного ветерана, удостоился чести отправиться за границу в качестве запасного игрока.

Сидя в изоляторе, Му Цзэ смотрел сквозь решетку на экран телевизора, висевший неподалеку. На огромном стадионе звучала музыка, слышались ликующие крики толпы, и юноша с длинными стройными ногами вышел к краю бассейна. Он надел шапочку и очки, сбросил куртку, обнажив идеальный торс и рельефные мышцы пресса...

Му Цзэ неотрывно смотрел на экран.

Когда в камеру вошли члены семьи Му, они увидели именно эту картину. Они пришли в ярость и начали кричать:

— Никакого достоинства! Чем этот лис так хорош? Он упек тебя в полицию, а ты все еще думаешь о нем?

Му Цзэ опустил глаза:

— ...Это я едва не погубил его. Если с ним все будет хорошо, это самое главное.

Родственники разозлились еще больше, проклиная Хан Цина последними словами, готовые разорвать его на части, лишь бы дотянуться до него через экран.

...

Хан Цин сделал несколько разминочных упражнений и не удержался — чихнул. Холод воды, веявший от бассейна, заставил его слегка вздрогнуть. Но это было волнение.

Возможно, ему и правда повезло: он снова превратился из запасного в основного участника. Хан Цин, конечно, не упустит такого шанса... оставить после себя память о блестящем выступлении — это самое малое, чем он может отплатить за то, что так долго пользовался чужим телом.

Хан Цин прыгнул в воду...

Комментаторы возбужденно кричали:

— ...Хан Цин вплотную преследует лидера! Разрыв сокращается, сокращается... Скоро, скоро... Первый пловец выдохся! Хан Цин догоняет! Боже мой, он догнал его! Он переломил ход всей гонки!

Хан Цин никогда не плавал с таким удовольствием. Он наслаждался криками и овациями зрителей, чувствовал на себе их горящие взгляды... В глубине его сердца поднялась невероятная радость, возможно, смешанная с чувствами самого владельца тела.

Ничто не могло порадовать его больше, чем возможность утереть нос отцу Хан Цина...

Хан Цин почти не обращал внимания на других пловцов.

В этот момент комментатор вновь вспыхнул от восторга:

— Они выдохлись, второй и третий номера замедляются... Вы видите?! Хан Цин все еще поддерживает эту безумную скорость! Он что, машина? Его техника по-прежнему безупречна, ни одного лишнего движения... Превосходно! А-а-а-а!...

Раздался ликующий вопль — рука Хан Цина коснулась бортика.

Финиш.

1500-метровая дорожка стала его красной ковровой дорожкой к коронации.

На стадионе поднялся оглушительный рев.

Предыдущий чемпион удерживал титул четыре года, но на пятый год получил травму. Все думали, что Китай больше не сможет повторить легенду о пяти победах подряд... Но в этот миг легенда воплотилась в этом молодом лице.

В тот момент стадион скандировал только имя Хан Цина.

Гу Синдуань без эмоций поднялся со своего места. Остальные зрители тоже встали, неистово размахивая национальными флагами, и никто не обратил на него внимания. Помощник тихо спросил:

— Босс недоволен?

На бесстрастном лице Гу Синдуаня вдруг расцвела улыбка:

— Доволен. Конечно, доволен.

Сказав это, он тут же сел обратно.

Помощник бросил взгляд на босса и с изумлением обнаружил... э-э-э? У босса... штаны натянулись? Даже в такой момент он может... возбудиться? Помощник снова перевел взгляд на бассейн — Хан Цин ловко снял шапочку, тряхнул головой, и влажные волосы прилипли к его красивому лицу.

Помощник невольно сглотнул, не решаясь смотреть вниз... кажется, он начинает понимать чувства босса.

— Пойдем, — сказал Гу Синдуань, поднимаясь.

Помощник еще раз покосился на его ширинку и поспешил следом.

Хан Цин стоял на пьедестале, машинально поглаживая золотую медаль на груди. Он не знал, что этот момент сняли, и теперь видео разлетается по сети. Все говорили, что его жест с медалью выглядит настолько мило и совсем не вяжется с его холодным образом, что хочется просто обнять его...

После церемонии награждения Хан Цин вернулся к команде. Благодаря системе, он не чувствовал ничего, кроме приятной усталости. Поэтому он не был слишком возбужден и, обменявшись короткими объятиями с товарищами, направился в раздевалку под их восхищенными взглядами.

Позади доносились шепотки:

— Такой молодой, а такой невозмутимый, круто... Да, в таком возрасте взять золото, его ждет блестящее будущее. У Хан Цина настоящий талант, он в сто раз лучше Лю Хао. Интересно, Лю Хао сейчас не стыдно?

Хан Цин отошел дальше, и голоса стихли.

Он открыл свой шкафчик в раздевалке, и оттуда выпал букет цветов с запиской. Выражение лица Хан Цина изменилось. Если он до сих пор не догадался, кто это прислал, он полный идиот.

На стадионе был только Гу Синдуань, кроме него никому!

Типичные замашки психа! Хан Цин усмехнулся, взял записку и, впервые за долгое время, открыл ее.

Там не было любовных стихов, только короткая строчка: Жду тебя в отеле Сент-Фьер, номер 809.

Хан Цин разорвал записку и сунул обратно в шкафчик, а букет... дождавшись, пока переоденется, он забрал с собой. Хан Цин отпросился у Тан Цзяна и вскоре покинул стадион. Поймав такси, он поехал в отель Сент-Фьер.

809?

Хан Цин стоял перед дверью, сверился с номером и нажал на звонок. Дверь быстро открылась, и Хан Цин, не раздумывая, ткнул букетом прямо в лицо человеку, открывшему дверь:

— Это все ты присылал? — затем добавил: — Псих.

Человек протянул руку, обхватил Хан Цина за талию и с силой впечатал в стену.

Почувствовав боль в спине, Хан Цин нахмурился:

— Гу Синдуань, ты с ума сошел?

Человек отбросил букет и одной рукой закрыл ему рот и нос. В нос ударил резкий запах лекарства.

В полумраке номера, при тусклом свете, Хан Цин с трудом разглядел лицо того, кто перед ним стоял.

— Вэй Гуан?

Вэй Гуан, казалось, улыбнулся в этом свете.

Черт возьми... я что, решил пройти по всем сюжетным линиям главной героини?

Сознание Хан Цина начало меркнуть, и он с тяжелым чувством потерял сознание.

.

Гу Синдуань стоял в раздевалке, сжимая в руках клочки бумаги, его лицо омрачилось.

— Кто-то посмел подражать мне...

Помощник пробормотал про себя: кто еще будет использовать ваши методы детского сада, каждый день подсовывая человеку любовные стишки в шкафчик?

Изящная красная лента, завязанная на белых, как нефрит, запястьях, и такая же на тонких лодыжках. Очнувшись и увидев себя в этой позе, напоминающей сцену из фильма для взрослых, Хан Цин погрузился в глубокие раздумья.

Мало того, что он прошел по сюжетной линии героини, так еще и умудрился сделать пушечное мясо еще более неадекватным.

Хан Цин огляделся: комната была залита приглушенным светом, обстановка напоминала номер в отеле для свиданий. Дверь ванной внезапно открылась, и из нее вышел Вэй Гуан.

Хотя Хан Цин уже понял, что это Вэй Гуан, он все равно изобразил на лице шок и гнев:

— Почему это ты? Вэй Гуан, чего ты хочешь?

Выражение лица Вэй Гуана было странным — смесь сложности и пустоты.

Он пододвинул стул, сел напротив Хан Цина и тихо сказал:

— Разве ты не любишь меня?

Хан Цин слегка опешил... Неужели это он сам навлек на себя беду своими заигрываниями?

Видя, что Хан Цин молчит, Вэй Гуан изменился в лице. В его глазах вспыхнули ненависть и гнев:

— Почему молчишь? Больше не любишь? Господин Гу, этот Му, та девчонка... кого из них ты любишь?

Хан Цин нахмурился. Ему совсем не нравилось, как Вэй Гуан вел этот допрос, ничем не отличавшийся от обычного следствия.

Вэй Гуан истолковал его молчание как подтверждение. Он вскочил, на шее вздулись вены, и от резкого движения он опрокинул стул:

— Значит, я угадал. Я приходил к господину Гу искать тебя, получается, я сам себя обманывал, да?

Хан Цин впал в отчаяние. Он выбрал Вэй Гуана, во-первых, потому что тот был верной собачкой Гу Синдуаня, а во-вторых, потому что в оригинальном сюжете этот персонаж тоже был не подарком. Но Хан Цин никак не ожидал, что Вэй Гуан так легко «заведется» и доведет ситуацию до такого абсурда — сюжетная линия героини разрушена, а он сам влип по полной.

Как только Хан Цин открыл рот, чтобы ответить, в голове раздался сигнал системы: Уровень симпатии злодея вырос на 15 пунктов.

Хан Цин чуть не подпрыгнул.

Он принялся загибать пальцы... В сумме уже 95! Еще 5 пунктов, и он успешно завершит миссию! Однако до сих пор Хан Цин не мог понять, откуда берется эта симпатия. Надеюсь, это не ошибка системы...

При мысли о том, что скоро он наконец сможет покинуть этот странный мир, настроение Хан Цина заметно улучшилось. Даже будучи связанным, как рисовый колобок, он не чувствовал

себя униженным.

Хан Цин слегка опустил голову.

В глазах Вэй Гуана это выглядело как упорное сопротивление.

В голове Вэй Гуана проносились кадры их встреч... Тот момент, когда он вошел в замок и открыл дверь — неужели улыбка Хан Цина была фальшивой? А во время Азиатских игр, когда Хан Цин сам подошел к нему, сел рядом, одарил сияющей улыбкой и даже трогал его бутылку с водой — это тоже было ложью?

Вэй Гуан с красными глазами уставился на Хан Цина:

— Я не лучше господина Гу и уж точно не лучше того Му...

Хан Цин отвлекся от своих мыслей и посмотрел на Вэй Гуана.

Ну и что с того?

— Но я не хочу, чтобы кто-то еще получил тебя. — Вэй Гуан облизнул губы, и на его лице проступило безумие.

Хан Цин невольно сжал пальцы, сердце забилося чаще... Это пушечное мясо настолько свихнулось? Он что, собирается убить его? Разве фраза «если не достанешься мне, то не достанешься никому» не должна быть девизом главного злодея?

Рука Вэй Гуана легла на шею Хан Цина:

— Ты боишься?

Конечно, боюсь.

Хан Цин опустил взгляд.

Особенно после того, как однажды уже умер, он стал больше ценить жизнь. Конечно, если бы это была цена за выполнение миссии, он бы еще подумал.

<http://bllate.org/book/21333/2164047>